

А. В. Терещенко

РЕЛИГИОЗНО-КУЛЬТОВЫЕ ТОПОЛЕКСЕМЫ В СЕЛЬКУПСКОМ ЯЗЫКЕ

Рассматриваются религиозно-культурные тополексемы селькупского языка. Анализируются культурные лексемы, входящие в состав топонимов. Выявляются возможные причины сакрализации местности. Исследуются мифологические представления селькупов. Реконструируется фрагмент языковой картины мира.

Ключевые слова: *исчезающие языки Сибири, селькупский этнос, селькупский язык, тополексемы, гидронимы, религиозно-культурная лексика, мифология, картина мира.*

Целью данной статьи является рассмотрение тополексем, образованных на базе религиозно-культурной лексики селькупского языка. Материалом исследования послужили селькупские топонимы, зафиксированные в различных геодектных ареалах, что позволило выявить их сходство или различие.

Ввиду синонимичности понятий «религия» и «культ» следует сразу пояснить, почему автор использует термин «религиозно-культурные тополексемы», тем самым комбинируя эти два понятия. Разнообразные подходы к топонимическим данным привели к наличию различных классификаций и традиций наименования групп топонимов. Первые подобные классификации относятся к XIX в. В настоящее время лингвистами наиболее часто используется семантическая классификация топонимов, согласно которой выделяют антропонимы, зоонимы, этнопонимы (этнонимы), фитотопонимы, религиозно-культурные топонимы и ряд других групп [1]. Придерживаясь данной общепринятой традиции, далее в статье будет использоваться термин «религиозно-культурные топонимы», рассмотренные на материале трех диалектов селькупского языка.

Селькупский язык, являясь одним из языков коренных народов Сибири, принадлежит к самодийской группе уральской языковой семьи. На сегодняшний момент это единственный сохранившийся язык южной ветви самодийской группы [2]. В связи с тем, что селькупский язык находится под угрозой исчезновения, важна не только фиксация его разнообразных языковых средств, но и исследование и реконструкция фрагментов картины мира представителей селькупского этноса через анализ языковых явлений и фактов.

Как уже отмечалось выше, материалом исследования послужили селькупские топонимы, расположенные в различных геодектных ареалах.

В научной литературе встречаются различные диалектные классификации селькупского языка, каждая из которых характеризуется той или иной степенью детализации. Это свидетельствует о том, что в настоящее время не существует единого мнени-

ния относительно диалектного членения данного языка. Одна из наиболее подробных классификаций приведена в монографии «Селькупы: очерки традиционной культуры и селькупского языка» [3]. Исходя из данной классификации, в селькупском языке можно выделить северную, центральную и южную группы диалектов, что представляет собой тернарную классификацию. Кроме того, в пределах каждой диалектной группы выделяется еще несколько диалектов (или говоров): четыре диалекта в центральной группе (тымский, ваховский, нарымский, васюганский), пять диалектов в южной группе (среднеобский, кетский, чаинский и др.). Северная группа представлена шестью диалектами, причем тазовский и туруханский диалекты рассматриваются как отдельные [3]. Несколько иной подход к диалектному членению селькупского языка предлагает Е. А. Хелимский [2]. Комбинируя в своей классификации географический и лингвистический принципы, исследователь обращает внимание не только на территориальное расселение групп селькупов, но и на изоглоссы, которые распределяются по ареалам, тем самым ограничивая территории функционирования и распространения того или иного диалекта. Учитывая эти факторы, Е. А. Хелимский [2] выделяет пять диалектных групп: тазовско-туруханский, или северный диалект, включающий в себя среднетазовский, верхнетазовский, верхнетолькинский и елогуйский говоры; тымский диалект, нарымский диалект, обский и кетский диалекты. В XIX в. существовал еще один – южный (или чулымский) диалект, практически исчезнувший на настоящий момент [2]. Как правило, между селькупскими диалектами нет четких границ, некоторые диалекты могут носить переходный характер. В результате территориально смежные диалекты оказываются относительно близки друг другу, что обеспечивает взаимопонимание их носителей. В данной статье рассматриваются религиозно-культурные тополексемы трех диалектов селькупского языка: тазовско-туруханского, тымского и кетского.

Топонимы – один из наиболее древних пластов лексики, помогающих восстановить черты исторического прошлого народа, определить границы их

расселения, очертить области распространения языков, узнать больше о способах ведения хозяйства и организации быта.

Лингвистическая ценность топонимии заключается в исключительной устойчивости географических названий, которые обладают особенностью сохраняться даже при миграции населения. Согласно мнению Я. А. Яковлева, топонимический субстрат можно рассматривать как своеобразную «эстафетную палочку», передаваемую от одного народа к другому [4].

Являясь представителями коллективистской культуры, селькупы всегда придавали исключительно важное значение религии и отправлению культа, что, несомненно, повлияло на формирование языковой картины мира этноса. Как отмечает А. К. Морсо-Флорес: «Область религиозного всегда составляла значительную часть всей истории человечества: глубоко проникая в повседневную жизнь народа, она многое в ней определила и сама стала частью национального своеобразия» [5].

Актуальность изучения топонимов, образованных на основе религиозно-культурной селькупской лексики, объясняется тем, что, несмотря на значительное количество работ, посвященных их исследованию, они по-прежнему остаются изученными лишь фрагментарно.

Религия, мифологические представления и культы селькупов привлекали внимание ряда выдающихся исследователей, среди которых следует отметить Г. Н. Прокофьева [6], Е. Д. Прокофьеву [7, 8], Г. И. Пелих [9], Е. А. Хелимского [10], В. В. Быконя [11], Э. Г. Беккер [12], А. В. Байдак [13], А. А. Ким [14, 15], [16], Н. В. Полякову [17], Н. А. Тучкову [3] и других исследователей.

Рассматривая топонимы, образованные на основе религиозно-культурной лексики, следует обозначить, какой конкретно смысл представители селькупского этноса вкладывали в понятие «культ». В Большом толковом словаре русского языка приводится следующее определение данному понятию: *культ* – 1) религиозное служение божеству и связанные с этим обряды; 2) поклонение кому (чему)-либо; преклонение перед кем (чем)-либо; почитание кого (чего)-либо [18]. Пик развития селькупского этноса приходится примерно на XVII–XIX вв. и связан с доминирующей ролью шаманизма как основного этнического культа. По мнению А. А. Ким [14, 15], в науке до сих пор не решен вопрос о том, что из себя представляет шаманизм – религию, форму религии или мировоззрение. Суммируя вышесказанное, сделаем вывод, что культ для селькупов – это совокупность обрядов, производимых либо обычными, но чаще специальными людьми (шаманами), с целью почитания сил природы, воплощенных в виде сверхесте-

ственных существ (духов, демонов, богов, хозяев природных объектов и т. д.) для того, чтобы направить эти силы во благо человека [15]. Следовательно, селькупская культурная лексика должна включать следующие классы лексем: обозначения субъектов и объектов культа, или субъектив и объектив культа (шаманы и названия душ); наименования предметов шаманства, названия жертв (инструменталь культа); названия сверхъестественных существ и культовых животных (адессив культа) и т. д. В рамках данной статьи исследуются топонимы и гидронимы, содержащие культовые компоненты, семантика которых перечислена ниже: наименования сверхъестественных существ (черт, шайтан, дух, ворожейская кукла и т. д.), названия культовых животных (на примере медведя и мамонта), обозначения мест жертвоприношений. В качестве отдельной группы рассмотрены топонимы, связанные с обрядом захоронения/погребения, поскольку селькупы наделяли данный ритуал сакральным статусом.

Особая заслуга в изучении селькупских топонимов принадлежит Г. Н. и Е. Д. Прокофьевым [5, 7, 8], полевые записи и дневники которых составляют десятки томов. Ими была рассмотрена социальная организация селькупов (род и фратрия), религиозные воззрения селькупов северной (тазовско-туруханской) группы, специфика национального костюма. Э. Г. Беккер [12], один из крупнейших исследователей западносибирской селькупской топонимии, приводит классификацию топонимов, основанную на доминирующем морфологическом признаке, где религиозно-культурные топонимы представлены в незначительной степени. А. В. Байдак [13], рассматривая лингвокультурную репрезентацию селькупской диады «жизнь-смерть», затрагивает вопрос о культовых и сакральных местах, связанных с погребальным обрядом и посмертным жилищем. Комплексный анализ и классификация селькупской культурной лексики как этнолингвистического источника приведены в диссертационном исследовании А. А. Ким [14–16], наряду с разграничением понятий «дух» и «душа» в селькупском языке и изучением шаманизма. Н. В. Полякова [17], делая акцент на концепте «пространство» в селькупском языке, анализирует так называемые «заветные» места (согласно терминологии Е. Л. Березович [19]) в картине мира селькупского этноса: для исследования привлечены полевые записи, где топонимы рассмотрены в большей степени, чем гидронимы. Этнограф Н. А. Тучкова [3] посвящает ряд работ селькупскому этносу как носителю самобытной культуры, быту, обычаям, традициям, праздникам селькупов. В ее работах топонимы рассмотрены как источники важной исторической (историко-краеведче-

ской) информации, но не с лингвистической точки зрения.

Как видно из сказанного выше, религиозно-культурные топонимы (особенно гидронимы) в селькупском языке до настоящего момента не были предметом отдельного исследования, что и составляет научную новизну данной статьи.

Подавляющее большинство культовых мест у селькупского этноса составляют естественные природные объекты (реки, озера, болота, леса, горы, холмы, овраги и т. д.), которые, в силу разных причин, были наделены особым смыслом для селькупов и требовали от человека осторожности, бдительности и соблюдения особых правил при нахождении близ них.

В селькупском языке сакральные топонимы обязательно содержат в своем составе ряд компонентов (лексем), указывающих на связь данного ареала с миром сверхъестественных существ и духов. Следует подчеркнуть, что во всех дальнейших примерах автором используется русскоязычная транскрипция источников по селькупскому языку. Прежде всего значительную группу культовых мест составляют названия, которые содержат слово *лоз* «черт», «дух» и различные производные от него, например: *лозыль мачи* «лес духов», *лозыль то* «чертово озеро», *лозыль лака* «гора духов». Иногда встречается обобщенное наименование, которое может быть применено для большого ареала, которому селькупы придают особое культовое значение, – *лозыль тэтты* «земля духов».

Согласно данным Е. Д. Прокофьевой [8], на священных территориях (чаще всего в лесу) на стволах деревьев селькупы вырубали изображения духов-хозяев этих мест или так называемых «деревянных шайтанов» *поль поргэ*. Подавляющее большинство таких изображений можно встретить и по сей день в местах проживания селькупов. Высеченные изображения воспринимаются селькупам как идолы, которым необходимо приносить дары и поклоняться. Как правило, изображение сделано в мужском облике, но иногда встречается и женский облик. Сам топоним, в силу связи с выполненным на дереве рисунком, в селькупском языке получил название *поргэ мачи* «идолов лес». Существует также легенда о том, что когда-то подобные изображения селькупам посоветовал делать шаман, живший неподалеку. Есть и другая версия легенды, согласно которой первый «деревянный шайтан» был высечен самим шаманом.

К религиозно-культовым топонимам в селькупском языке следует также отнести и места захоронения и смерти. Согласно данным ассоциативного эксперимента, проведенного А. В. Байдак [13], можно с уверенностью утверждать, что селькупы придавали особый, сакральный смысл этим местам.

В селькупских диалектах существует целый ряд терминов, обозначающих места захоронения: *лэ эт* «деревня костей» (где *лэ* «кость», *эд* «деревня»), *кызы маргэ* «чертов холм», *кымыль маргэ* «человеческий холм», *тэтты маргэ* «земляной холм», *пол кор маргэ* «деревянный холм» (букв. деревянный лабаз, амбар). Последнее название больше характерно для северного, тазовского диалекта. Каждый из приведенных выше терминов содержит топоним «холм» или «деревня» как составной компонент названия. Исходя из данных селькупского языка, можно сделать вывод, что мертвые вызывали страх у людей, ведь они больше не принадлежали к миру живых, относясь к миру злых духов/мертвых [16].

Среди многочисленных культовых мест у селькупов можно выделить наиболее почитаемые, к которым относятся *Лозыль-лака* «священные мысы и горы», расположенные в верхнем притоке р. Таз, *Лозыль-мачи* «священные холмы» в верховьях Таза и некоторые другие.

Селькупы также называют эти святилища *кассиль тэтты* «жертвенная земля», «крещеное место», *кэты-сымыль тэтты* «необычная, мудреная земля» [7]. Кроме того, этимология данных названий указывает на их особые свойства: *кассиль* от *касси* – «бескровная жертва», «подарок» и *кэты-сымыль* от *кэты* – «чудо», «необычность», в некоторых случаях «мудрость». Последний термин, как утверждает Е. Д. Прокофьева [7], обозначал местности, которые не являлись обиталищем духов, но были примечательны какими-то особенными явлениями или событиями, с такими местами обычно связаны селькупские легенды и предания.

Значительную группу религиозно-культовых топонимов в селькупском языке составляют и наименования водных объектов – гидронимы. Для селькупского этноса вода всегда имела сакральное значение. Согласно религиозно-мифологическим представлениям селькупов, суша находится в определенной оппозиции к пространству реки (водному пространству), где действуют совершенно иные законы и правила поведения, которые необходимо соблюдать.

Как и у ряда других народов Сибири, сакрализация рек, озер, водных источников у селькупов связана с мифологическими представлениями о кошаре (кожаре) или мамонте. По мнению Г. Н. Прокофьева [6], облик мамонта в сознании селькупов ассоциировался с обликом гигантского медведя, огромных шук или старых оленей, которые после смерти погружались в озера, превращаясь там в мамонтов и оставаясь там вечно. Е. Д. Прокофьева [8] объясняет свойственное селькупам уподобление мамонта медведю: например, в тазовском диалекте селькупского языка для обозначения «мед-

ведь» может быть употреблено как общеселькупское слово *коркы* (*коргы*), так и *лоз*.

Скорее всего, подобные представления о мамонте возникли у селькупов вследствие наблюдения реальных ископаемых останков данного животного, которые часто могут быть найдены при археологических раскопках на территории Западной Сибири, или же непонимания селькупами природы данного животного.

Селькупы верили, что мамонт (иногда трансформированный комплексный образ «медведь-мамонт») обитает на дне озер, которые называли *пурулто* «озеро черной воды». Подобные озера считались опасными для передвижения вне зависимости от времени года. Следует подчеркнуть, что похожие представления о мамонте можно встретить в мифологии васюганских хантов [20–23].

Тазовские селькупы верят в *уткыль лоза* «водяного духа», который, по их поверьям, обитает в некоторых озерах, топких болотах и глубинах рек. Своими очертаниями *уткыль лоз* напоминает огромного медведя. Одним из таких озер, где обитает *уткыль лоз*, считается *Нюнель-то* (Налимье озеро), находящееся в междуречье р. Таз и Енисея. В течение долгого времени селькупы остерегаются жить в этом ареале, но, даже проезжая мимо, озеро по-прежнему считается культовым местом, о котором ходят легенды. Следует обязательно что-нибудь оставить на берегу озера – несколько монет, кусочек ткани, амулет. Это подарок – дань для *уткыль лоза*, чтобы человек мог дальше продолжать свой путь и ему не угрожала опасность [9].

Термин «кошар» («кожар») широко отражен в селькупской гидронимии. Одно из озер на р. Таз называется *Кошарэ-то*. Имеется также еще несколько озер с составным компонентом *кошар* в верховьях Таза. По данным Г. Н. и Е. Д. Прокофьевых [6–8], на этих озерах селькупы остерегались ночевать, считая их культовыми местами. Проезжая мимо, они жертвовали щепотку табака, сигареты или кусок шкуры оленя. Иногда могли совершить кровавое жертвоприношение, убив на берегу озера оленя.

Селькупы никогда не ловили рыбу в почитаемых реках или озерах, но если все-таки возникала подобная необходимость, то сети устанавливались только возле берегов и обязательно совершались бескровные жертвоприношения перед рыбной ловлей [24].

Э. Г. Беккер [12], исследуя селькупскую топонимику, делает акцент на гидронимы, содержащие в себе морфему *ло*, которая в селькупском языке имеет ряд значений, а именно «черт», «шайтан», «дух», «дух хозяина», «ворожейская кукла», например: *Лозилкы* «чертова речка», *Лози* «культовая река», *Лозунга* «чертова река», *Лозилга* «чертова

река», *Лозилмадду* «амбарчиковое озеро». В Туруханском районе Красноярского края имеется еще одно озеро, почитаемое селькупками как сакральное, – это оз. Духовое. Компонентом всех приведенных выше гидронимов является селькупская морфема, имеющая культовое значение. Как правило, озера, имеющие в своем названии слова-компоненты «черт», «шайтан» или «мамонт», находятся сравнительно близко друг от друга. Селькупками эта территория воспринималась как особая, где следует быть более внимательным и соблюдать определенные нормы и правила.

Существует немало легенд, повествующих о том, как люди тонут в этих водных объектах, пропадают в местных лесах, как приходят в негодность рыболовные снасти, что еще больше усиливает представления о сверхъестественности и опасности этих мест [24]. Таким образом, в сознании селькупов закрепляется идея о необходимости в первую очередь получить разрешение у духа (хозяина озера), принеся ему небольшой дар. Только затем можно продолжать путь или приступать к рыбной ловле. В противном случае, можно разозлить или вызвать гнев озерного хозяина.

Значение некоторых религиозно-культурных гидронимов позволяет получить информацию о состоянии или поведении человека возле данной реки.

К примеру, в кетском диалекте селькупского языка существуют гидронимы *Лагка-ло-кы* «река привидений» (от кетского *лакка* «привидение») и *Кетыль-кы* «волшебная река» (от кетского *кет* (*кед*) – «волшебство», буквальное значение гидронима «волшебная река»). Можно сделать вывод, что в данных местах человека может что-то напугать, ему могут привидеться или почудиться какие-то образы. Здесь водные духи словно играют с человеком, не позволяя ему найти дорогу домой, не отпуская его, запутывая и сбивая с толку. Селькупы, зная о магических свойствах этих мест, старались обходить их стороной или же проявлять крайнюю осторожность [25].

В селькупском языке существует небольшая группа культовых гидронимов, непосредственно связанных с религией этого народа – шаманизмом. В жизни селькупского этноса шаманы играли исключительно важную роль, являясь духовными предводителями, врачами и советниками по многим важным вопросам. Общение и взаимодействие с миром духов осуществлялись лишь при помощи шамана. Настоящим шаманом мог быть только мужчина. Нередко шаманский дар передавался по наследству, от отца к сыну. Шаманы пользовались большим уважением и, как правило, обладали даром красноречия и богатым воображением. Шаман мог вести переговоры с духами о жизни и смерти, счастье и беде, он знал их волю [26].

Американский исследователь шаманизма Р. Уолш [27] отмечает, что часто шаманы в качестве места для проведения обряда выбирали именно берега рек или озер. Там они общались с духами, излечивали болезни, помогали людям советом. В качестве примера подобного селькупского культового гидронима приведем *Ладкалото* «озеро, на берегу которого шаман совершает обряд». Как отмечает Э. Г. Беккер, данный гидроним принадлежит к группе тополексем с неясной, проблематичной этимологией. Весьма вероятно, в его составе присутствуют рефлексы языка шаманов или же древних прауральских форм, значение которых еще предстоит реконструировать [28].

Как уже отмечалось выше, в селькупском языке существует немало топонимов, связанных с местами смерти и захоронения. Реки также играли очень важную роль в погребальном обряде селькупов. Однако гидронимов, связанных с погребальным обрядом, зафиксировано гораздо меньше.

Вот некоторые из них: тымские гидронимы *Кагалкиге* «могильная речка», *Кагай-кы* «могильная река» (от тымского *кага* «могила», «мертвец», «покойник», «старый труп», «кладбище») и *Кагал-кыге* «кладбищенская река» [13, 16]. Исходя из названия последней реки, в ее низовье находилось кладбище селькупов. После похорон тело умершего уплывало вниз по течению реки к устью, где, по поверьям селькупов, находился «город мертвых». У каждой селькупской семьи было свое кладбище, которое всегда располагалось ниже по течению реки относительно деревни или поселения, для того, чтобы мертвые не смогли подняться к живым против течения.

По мнению А. В. Байдак [13], река для селькупов была основной дорогой, соединяющей реальное и потустороннее пространство. Переправившись через устье реки, можно оказаться уже в ином мире – мире духов, и, наоборот, найдя исток реки и перейдя через него, можно обратно вернуться в реальный мир.

В мифологической традиции селькупов река выступает в качестве своеобразного стержня Вселенной и пронизывает Верхний, Средний и Нижний миры. Устье реки *ак* – это место связи реального и потустороннего миров. В подавляющем количестве селькупских мифов мир описывается как бассейн двух рек – *Орлиной речки* и *речки Кедровки*, что соответствовало двум фратриям селькупов. Эти реки имели общий исток и текли параллельно друг другу [25].

Рассматривая селькупский фольклор, можно сделать вывод, что существует тесная взаимосвязь жизни главного сказочного героя и реки. Водное пространство словно сопутствует герою, отмечая важные вехи его жизненного пути. Так, сказочный

богатырь Иття появляется на свет в верховьях небольшой реки, где и проводит все свое детство. Его юношеские годы и процесс взросления связан с выходом на среднее течение реки, в то время как в нижнем течении он совершает свои подвиги – борется с людоедом. Подобные сказочные сюжеты с героем Иття распространены у всех групп селькупов [29], [30].

На современном этапе существования селькупского этноса представления о реке как исключительно важном объекте ландшафта несколько не изменилось. Иногда само существование человека отождествляется с течением реки. Это отражено в материалах историка и этнографа Н. А. Тучковой: «Обь – это жизнь, а все остальное – это только око-ло» [25].

Следует также обратить внимание на диалектное распределение религиозно-культовых тополексем: для тазовско-туруханского ареала характерно обилие топонимов и гидронимов с морфемой *ло* (и ее производными) в составе (*Лозыль-лака*, *Лозыль-мачи*, *Лози*, *Лозил-кы*). Данная морфема может также встречаться в названиях различных духов, богов, покровителей, в которых верят или боятся тазовские селькупы (например, *уткыль лоз* «водяной дух»). Еще одной особенностью тазовского ареала является наличие тополексем, функционирующих как святилище для бескровного (иногда кровавого) жертвоприношения, к примеру, *кассыль тэтты* «жертвенная земля». Тымские культовые тополексемы главным образом связаны с обрядом захоронения. Это особенно четко прослеживается в тымской гидронимии, поскольку именно низовья рек служили кладбищами (*Кагалкиге*, *Кагай-кы*, *Кагал-кыге*). Для кетского гео-диалектного ареала характерным является наличие культовых гидронимов с компонентом *лакка* «привидение» (*Лакка-ло-кы*) или *кет* (*кед*) «волшебство» (*Кетыль-кы*). Гидронимы или топонимы с подобной семантикой довольно редки в селькупском языке и более не обнаружены в других ареалах.

Несмотря на различное гео-диалектное распределение топонимов, бесспорным является тот факт, что культовые места имели особый статус в сознании селькупского этноса. В каждой из трех проанализированных диалектных групп хотя и в разных пропорциях, но обязательно присутствует определенный «набор» культовых мест, характерный для данной территории: топонимы или гидронимы с морфемой *ло*, различные места жертвоприношений, места захоронения, «нечистые» места. Можно сделать вывод, что религиозно-культовые представления селькупов гомогенны, а тополексемы с подобной семантикой имеют общеэтническое, межэтническое значение. Топонимы позволяют выявить ритуалы, значимые для селькупского

этноса: захоронение, жертвоприношение, поклонение природным объектам, почитание «духов земли» и «духов воды», осторожное поведение в «нечистых» местах.

Таким образом, изучение религиозно-культурных топонимов дает отчетливое представление не только о значимости определенных географических объектов для селькупов, но и позволяет восстановить древние мифологические представления народа. Различные легенды, придания, поверья, осуществление ритуальных действий подкрепляют в сознании селькупского этноса особый статус этих мест. На необычность таких мест указывают

и селькупские лексемы со значением «черт», «шайтан», «дух», «дух хозяина», «ворожейская кукла», «могила» как компоненты топонимов.

Подводя итоги, следует отметить, что селькупские религиозно-культурные топонимы следует рассматривать не только как значимые точки ландшафта, но и как своеобразные основы, на которых строится модель Мира (Вселенной) в уральской мифологии. Подобный подход позволяет изучать топонимы во взаимосвязи с мифологией, культурой и историей, что открывает новые возможности для реконструкции фрагмента картины мира селькупского этноса.

Список литературы

1. Басик С. Н. Общая топонимика. Минск: БГУ, 2006. 200 с.
2. Хелимский Е. А. Селькупский язык // Языки мира. М., 1993. С. 356–380.
3. Тучкова Н. А., Байдак А. В., Максимова Н. П. Селькупы: очерки традиционной культуры и селькупского языка. Томск: Изд-во ТПУ, 2013. 318 с.
4. Яковлев Я. А. Географические названия Колпашевского района. Что они означают? Томск: из-во ТГУ, 2010. 182 с.
5. Морсо-Флорес А. К. К вопросу о семантической классификации религиозной лексики // Молодой ученый. 2012. № 5. С. 299–300.
6. Прокофьев Г. Н. Остяко-самодийцы Туруханского края // Этнография. 1928. № 2.
7. Прокофьева Е. Д. Некоторые религиозные культы тазовских селькупов // Памятники культуры народов Сибири и Севера (СМАЭ. Т. XXXIII). Л.: Наука, 1977. С. 66–79.
8. Прокофьева Е. Д. Старинные представления селькупов о мире. М.: Наука, 1976. 263 с.
9. Пелих Г. И. Селькупская мифология. Томск: Изд-во ТГПУ, 1998. 398 с.
10. Хелимский Е. А. Самодийская мифология // Мифы народов мира. М., 1982. Т. 2. С. 124–189.
11. Быконя В. В., Кузнецова Н. Г., Максимова Н. П. Селькупско-русский диалектный словарь. Томск: Изд-во ТГПУ, 2005. 384 с.
12. Беккер Э. Г. Селькупские топонимы Западной Сибири: дис. ... канд. филол. наук. Томск, ТГПУ, 1965. 272 с.
13. Байдак А. В. Лингвокультурная репрезентация селькупской диады «жизнь-смерть»: дис. ... д-ра филол. наук. Томск, ТГПУ, 2011. 312 с.
14. Ким А. А. Селькупская культовая лексика как этнолингвистический источник: проблема реконструкции картины мира: дис. ... д-ра филол. наук. Томск, ТГПУ, 1999. 356 с.
15. Ким А. А. Очерки по селькупской культовой лексике. Томск: Изд-во НТЛ, 1997. 219 с.
16. Ким-Малони А. А., Байдак А. В. Принципы номинации селькупских посмертных жилищ в культурном контексте // Вестн. Томского гос. пед. ун-та (Tomsk State Pedagogical University Bulletin). 2010. Вып. 7 (97). С. 88–93.
17. Полякова Н. В. Особенности вербализации концепта «пространство» в селькупском языке в сопоставлении с русским языком: дис. ... канд. филол. наук. Томск: ТГПУ, 2004. 159 с.
18. Большой толковый словарь русского языка / под ред. С. А. Кузнецова. СПб.: Норинт, 2012. 1280 с.
19. Березович Е. Л. Русская топонимия в этнолингвистическом аспекте: мифопоэтический образ пространства. М.: КомКнига, 2010. 240 с.
20. Filtchenko A. Continuity and Change in Eastern Khanty Language and Worldview. Berlin: Dietrich Reimer Verlag, 2005. 232 p.
21. Фильченко А. Ю. Полевые записи на материале васюганского диалекта хантыйского языка. Томск, ТГПУ: архив Лаборатории языков народов Сибири, 1998–2005.
22. Jordan P. Landscape and Culture in Northern Eurasia. California: Left Coast Press, 2011. 358 p.
23. Черемисина К. П. Тайный язык символов в хантыйской культуре // Вестн. Томского гос. пед. ун-та (Tomsk State Pedagogical University Bulletin). 2012. Вып. 1 (116). С. 140–143.
24. Полякова Н. В. Заветные места в картине мира селькупов // Альманах современной науки и образования. 2011. № 10 (53). С. 157–159.
25. Тучкова Н. А. Традиционное мировоззрение селькупов // Музейные фонды и экспозиции в научно-образовательном процессе. 2009. № 3. С. 93–115.
26. Байдак А. В. Религиозные представления кетских самодийцев по экспедиционным материалам К. Доннера // Вестн. Томского гос. пед. ун-та (Tomsk State Pedagogical University Bulletin). 2007. Вып. 4 (67). С. 70–76.
27. Уолш Р. Дух шаманизма. М.: Эксмо, 2013. 506 с.
28. Беккер Э. Г. Южносамодийские гидронимы Томской области // Топонимия Востока. Новые исследования. М.: Наука, 1964. С. 95–97.

29. Тучкова Н. А. Фольклорные тексты с героем Итя в собрании А. И. Кузьминой // Вестн. Томского гос. пед. ун-та (Tomsk State Pedagogical University Bulletin). 2013. Вып. 2 (130). С. 205–208.
30. Быконя В. В., Ким А. А., Купер Ш. Ц. Сказки нарымских селькупов: книга для чтения на селькупском языке с переводами на русский язык. Томск: Изд-во НТЛ, 1996. 187 с.

Терещенко А. В., магистрант.

Томский государственный педагогический университет.

Ул. Киевская, 60, Томск, Россия, 634061.

E-mail: annadocuments1988@gmail.com

Материал поступил в редакцию 10.02.2014.

A. V. Tereschenko

RELIGIOUS-CULT TOPOLEXEMES IN THE SELKUP LANGUAGE

The article considers religious-cult toponyms of the Selkup language. Cult lexemes as componential parts of toponyms are analyzed. The paper reveals possible reason for making a place sacred. The author researches mythological concepts of the Selkups. The fragment of the linguistic worldview is reconstructed.

Key words: *endangered languages of Siberia, Selkup ethnos, the Selkup language, toponyms, hydronyms, religious-cult lexis, mythology, worldview.*

References

1. Busic S. N. *General toponymics*. Minsk, BGU, 2006. 200 p. (in Russian).
2. Helimski E. A. Selkup Language. *Languages of the Word*. Moscow, 1993. Pp. 356–380 (in Russian).
3. Tuchkova N. A., Baydak A. V., Maximova N. P. *The Selkups: essays on traditional culture and Selkup language*. Tomsk, Tomsk Polytechnic University Publ., 2013. 318 p. (in Russian).
4. Yakovlev J. A. *Geographical names of Kolpashevo region. What do they mean?* Tomsk, TSU Publ., 2010. 182 p. (in Russian).
5. Morceau-Flores A. K. To the question of semantic classification of religious lexis. *Young Scholar*, 2012, no. 5, pp. 299–300 (in Russian).
6. Prokofiev G. N. Ostyak-Samoyedic people of Turukhan region. *Ethnography*, 1928, no. 2 (in Russian).
7. Prokofieva E. D. Some religious cults of Tas Selkups. *Cultural Monuments of Siberian and North people (SMAE. Vol. XXXIII)*. Leningrad, Nauka Publ., 1977. Pp. 66–79 (in Russian).
8. Prokofieva E. D. *Old Selkup believes about the world*. Moscow, Nauka Publ., 1976. 263 p. (in Russian).
9. Pelikh G. I. *Selkup mythology*. Tomsk, TSPU Publ., 1998. 398 p. (in Russian).
10. Helimski E. A. Samoyedic Mythology. *Myths of People around the World*. Moscow, 1982. Vol. 2. Pp. 124–189 (in Russian).
11. Bikonia V. V., Kuznetsova N. G., Maximova N. P. *Selkup-Russian dialect dictionary*. Tomsk, TSPU Publ., 2005. 384 p. (in Selkup and Russian).
12. Bekker A. G. *Selkup toponyms of Western Siberia*. Dis. cand. phil. sci. Tomsk, TSPU, 1965. 272 p. (in Russian).
13. Baydak A. V. *Linguocultural representation of Selkup dyad "life-death"*. Dis. doctor phil. sci. Tomsk, TSPU, 2011. 312 p. (in Russian).
14. Kim A. A. *Selkup cult lexis as ethnolinguistic source: the problem of worldview reconstruction*. Dis. doctor phil. sci. Tomsk, TSPU, 1999. 356 p. (in Russian).
15. Kim A. A. *Essays on Selkup cult lexis*. Tomsk, NTL Publ., 1997. 219 p. (in Russian).
16. Kim-Maloney A. A., Baydak A. V. Principles of the nomination of the Selkup posthumous lodgings in cultural context. *Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2010, no. 7 (97), pp. 88–93 (in Russian).
17. Polyakova N. V. *Peculiarities of verbalization of the concept "space" in Selkup language in comparison with Russian language*. Dis. cand. phil. sci. Tomsk, TSPU, 2004, 159 p. (in Russian).
18. *Big Explanatory Dictionary of Russian Language* (edited by S. A. Kuznetsov). St. Petersburg, Norint, 2012. 1280 p. (in Russian).
19. Berezovich E. L. *Russian toponymy in ethnolinguistic aspect: myth-poetic image of space*. Moscow, KomKniga, 2010. 240 p. (in Russian).
20. Filtchenko A. *Continuity and Change in Eastern Khanty Language and Worldview*. Berlin, Dietrich Reimer Verlag, 2005. 232 p.
21. Filtchenko A. U. *Field notes on the material of Vasigan Khanty dialect*. Tomsk, TSPU: field archive of the Laboratory of Siberian Indigenous Languages, 1998–2005. (in Russian).
22. Jordan P. *Landscape and Culture in Northern Eurasia*. California, Left Coast Press, 2011. 358 p.
23. Cheremisina K. P. The containers of vital force in the Khanty culture. *Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2012, no. 1 (116), pp. 140–143 (in Russian).
24. Polyakova N.V. "Sacred places" in the worldview of the Selkups. *Almanac of modern science and education*, 2011, no. 10 (53), pp. 157–159 (in Russian).

25. Tuchkova N. A. Traditional Selkup worldview. *Museum funds and expositions in scientific-educational process*, 2009, no. 3, pp. 93–115 (in Russian).
26. Baydak A. V. Religious believes of Ket Samoyedic people based on expeditional materials of K. Donner. *Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2007, no. 4 (67), pp. 70–76 (in Russian).
27. Walsh R. *The spirit of shamanism*. Moscow, Eksmo Publ., 2013. 506 p. (in Russian).
28. Bekker A. G. Southern Samoyedic Hydronyms of Tomsk region. *Toponymy of the East. New researches*. Moscow, Nauka Publ., 1964. Pp. 95–97 (in Russian).
29. Tuchkova N. A. Folklore stories of Itya in the archive of A. I. Kuzmina. *Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2013, no. 2 (130), pp. 205–208 (in Russian).
30. Bikonia V. V., Kim A. A., Kuper S. C. *Tales of Narym Selkups: book for reading in Selkup with translations into Russian*. Tomsk, NTL Publishing Publ., 1996. 187 p. (in Selkup and Russian).

Tomsk State Pedagogical University.

Ul. Kievskaya, 60, Tomsk, Russia, 634061.

E-mail: annadocuments1988@gmail.com